

Сун Чжао сначала сомневался, но к концу был поражён:

— Что? Ты же говорил, что в прошлый раз подарил что-то, и он уже принял это?

Цзян Чэн недавно посетил открытие аукциона в иностранном банке, где ему предложили уникальные карманные часы ручной работы. Часы были украшены эмалью, бриллиантами и сапфирами, а на циферблате одного лишь декоративного узора было 152 крошечных алмаза. Цзян Чэн купил их по сходной цене, но даже эта сумма была астрономической. Затем он передал эти часы Гу Шэну.

Ду Хань, услышав внутреннюю цену, только ахнул, сокрушаясь, что даже если бы он работал в той больнице до конца своих дней, он бы не смог заработать столько, сколько стоили эти часы.

Цзян Чэн не придавал этому значения:

— Чушь, ты видел, чтобы он хоть раз их использовал? Они до сих пор лежат в шкафу. — Он закурил сигарету и нахмурился. — Если бы он принял этот дом, я бы считал, что подарок дошёл до адресата.

Сун Чжао удивлённо ахнул, но, видя выражение лица Цзян Чэна, решил не продолжать тему. Он понимал, что дальнейшие вопросы могут привести к тому, что его выставят за дверь.

Гу Шэн до сих пор не принимал подарки и деньги от Цзян Чэна.

Что это значило?

Цзян Чэн боялся думать об этом и отказывался слушать, как Сун Чжао задаёт свои вопросы. Это чувство было похоже на то, что он испытывал, когда слушал потрясающие выступления Гу Шэна. Казалось, что если Гу Шэн захочет, он сможет уйти от него в любой момент, не оставив следов. А все усилия, которые Цзян Чэн приложил, чтобы удержать его, исчезнут, как синяки и раны на теле Гу Шэна.

Сун Чжао, проявив мудрость, перевёл разговор на тему обыска по всему городу. Цзян Чэн, держа чашку, неожиданно вздрогнул.

Гу Шэн вышел из поместья.

Сяо Ли поднял руку, чтобы остановить его, но, встретив взгляд Гу Шэна, проглотил слова и осторожно спросил:

— Господин Гу?

— Я возвращаюсь в труппу. Если хочешь, иди за мной. Я не буду тебе мешать. — Гу Шэн слегка сжал губы, повернулся и спокойно посмотрел на него.

Утренний свет как раз переливался через крышу, освещая его фигуру, делая его будто бы окружённым золотым сиянием. Он был примерно одного роста с Сяо Ли, и тот, глядя прямо, мог видеть его глаза. К его удивлению, в глазах Гу Шэна была тень улыбки, хотя сам он не улыбался.

Почему-то Сяо Ли кивнул:

— О, о, нет... нет проблем.

Гу Шэн не стал ждать его ответа и уже собирался уйти, но, услышав это, обернулся и, глубоко улыбнувшись, похлопал его по плечу, после чего ушёл.

Сяо Ли, глядя на его спину, чуть не застыл на месте. Это был первый раз, когда он видел улыбку Гу Шэна с тех пор, как его назначили на должность помощника. Молодой парень впервые осознал, что этот человек, который был всего на несколько лет старше его, настолько привлекателен. Его улыбка в тот момент была словно свет, растапливающий лёд.

У Гу Шэна были дела.

Ранее Лю Мянью нарушила запрет Цзян Чэна и была отправлена работать на пристани. Янь Дэчжи был обвинён в укрывательстве подозреваемого по делу Шэнь Вэньчана, и акционеры, оценив ситуацию, отозвали свои инвестиции — это явно было делом рук Цзян Чэна. Труппа Хунсинь потеряла двух своих ведущих актёров и лишилась поддержки меценатов. Этот коллектив, и без того переполненный, оказался на грани краха.

Когда Гу Шэн снова вошёл в этот сад, он увидел лишь хаос. Преподаватели, новички, рабочие — все уходили, неся с собой свои вещи. Крупные предметы уже были упакованы и сложены снаружи, мелкие лежали в коробках, которые выбрасывали на улицу. Подаренные знаменитостями таблички были выстроены в ряд перед ступенями, ожидая отправки на переработку.

Даже самый неопытный человек, увидев эту сцену, понял бы: труппа Хунсинь, выступавшая в Цзинбэе десятки лет, распадается.

Ин-эр, опершись на дверной косяк, вытирала слёзы. Гу Шэн поманил её и тихо спросил:

— Всё устроено? Ученики из групп «Син» и «Юань» перешли в другие труппы? А как насчёт рабочих и костюмеров?

— Да... — Ин-эр всхлипнула, её глаза были красными. — Второй старший брат всё уладил, семь групп нашли себе труппы... но...

— Хорошо. — Гу Шэн кивнул и уже собирался уйти, как Ин-эр схватила его за руку.

Он удивлённо обернулся и увидел, как крупные слёзы катятся по её лицу:

— Брат Гу... что нам делать? Я ждала... ждала, когда ты вернёшься. Ты... уходишь? Ты больше не будешь заботиться о нас? Я...

Гу Шэн поднял руку, чтобы вытереть её щеку, и, мягко улыбнувшись, покачал головой. Под недоумённым взглядом Ин-эр он взял её за руку через ткань рукава, затем отпустил и хлопнул дважды:

— Подождите минуту! Братья и сёстры из труппы Хунсинь! Я, Гу Шэн, хочу сказать вам одно слово!

Все замерли, повернувшись к нему.

— С этого дня я, Гу Шэн, беру на себя руководство новой труппой, которую назову «Общество Ляньюнь». Все, кто не хочет расставаться с нашей старой труппой, могут присоединиться ко мне. Все семь групп и семь отделов — я, Гу Шэн, буду рад каждому!

Новость о том, что Гу Шэн создал свою труппу, быстро распространилась по Цзиньчжоу. Было необычно, чтобы актёр такого уровня создавал труппу, не завершив официального обучения. Более того, эта труппа была собрана из обломков распавшейся труппы Хунсинь. Несмотря на это, Гу Шэн объявил, что 15 числа следующего месяца в Большом театре Миньюэ состоится премьера спектакля.

Почти все думали, что Гу Шэн сошёл с ума. Его труппа не имела четырёх из семи групп, а из семи отделов было только пять человек. Кроме нескольких начинающих актёров, в ней были лишь несколько малоизвестных артистов. А в это время новая труппа «Школа оперы Хуася», быстро набирающая популярность в Цзиньчжоу, также должна была выступить в Большом театре Миньюэ 15 числа. С чем Гу Шэн собирался конкурировать?

— Чем громче будет шумиха, тем лучше. Этот спектакль должен состояться. — Гу Шэн листал газету, пробуя кусочек пирога с османтусом. — ...Вкусно.

Но Ин-эр не была рада похвале. Она, беспокоясь, теребила уголок своей одежды:

— Но... но...

— Все эти слухи о том, что Лю Мянь общалась с Шэнь Вэньчаном, что Янь Дэчжи устроил драку, что труппа Хунсинь потеряла свою репутацию за двадцать лет, — это отличная реклама. Мы ещё ничего не сказали, а газеты уже подогревают интерес. — Гу Шэн указывал на страницы газет «Цзиньбао» и «Каньцзиньчжоу», задумавшись на мгновение. Не услышав ответа Ин-эр, он поднял взгляд и улыбнулся ей. — О чём ты беспокоишься? Я здесь!

Я здесь.

Ин-эр замерла, встретив взгляд Гу Шэна, полный уверенности и даже лёгкой дерзости. Обычно он казался отстранённым и скромным, никогда не проявляя особой радости или гордости. Настолько, что все забыли, что его лицо без грима может быть таким живым и светлым, как у юноши.

С необъяснимым чувством спокойствия его слова быстро успокоили тревогу и страх Ин-эр.

Она хотела что-то сказать, выразить свою радость или удивление, но внезапный стук в дверь резко прервал её мысли.

Рабочий в грубой одежде ворвался в комнату, огляделся и, растерянно крикнул Гу Шэну:

— Господин Гу! Мэйсян — Мэйсян убита!

15.

Окружающий пейзаж медленно проплывал мимо. Переулки, скрытые за зданиями, наполнялись влажным холодным ветром. Разрушенные ворота зияли, как раны. Бумага на стенах хлопала о кирпичи под порывами ветра. Казалось, что небо внезапно потемнело, и сырой, мрачный воздух окутал узкие переулки. Тёмный проём двери поглотил вошедшего.

Гу Шэн потянул воротник и машинально сжал коробку с пирожными в руке. Белая бумажная лента на стене, развеваемая ветром, внезапно ударила ему в лицо, и иероглифы «Синьцзинькоу» резко мелькнули перед глазами.

Вокруг было необычайно тихо. Не было привычных перебранок соседей, казалось, даже звуки

посуды умолкли. В воздухе витал незнакомый запах. Ветер шелестел листьями французских платанов вдоль дороги концессии, донося едва слышные рыдания.

Гу Шэн вышел из машины и с силой толкнул дверь.

[Авторские примечания: Эти две главы получились не короткими... Честно говоря, я долго их правил, потому что не мог проработать некоторые детали и застрял на них Т_Т.

Маленький (слабый) (жалкий) автор уходит накапливать черновики (на коленях).]

<http://bllate.org/book/16144/1445712>